

А.Г. АВДЕЕВ

ЧУДО НА МОГИЛЕ КНЯЗЯ ДАНИИЛА МОСКОВСКОГО: ОТ АГИОГРАФИИ К УСТНОМУ ПРЕДАНИЮ

Рассказы о чудесах, происходящих от мощей святых, являются особым жанром агиографических памятников, для исследования которых не всегда возможно использовать традиционные методы исследования, такие как археографический и палеографический анализ житий [1. С. 78]. Нередко такой анализ игнорирует не столько исторический контекст, сколько упомянутые в тексте реалии и их археологический контекст, не говоря уже об источниках, не связанных с агиографией. Наиболее результативным является комплексное исследование житий с привлечением историко-географического и просопографического анализа, а также данных археологических исследований. Подобная методика активно разрабатывается С.З. Черновым для комплексного изучения различных регионов Подмосковья (например, [31; 32]) и может быть с успехом применена к памятникам агиографии, в том числе и к описанию чудес.

Жития вместе с тем несли элементы назидания, представлявшие читателю модель корректного поведения у надгробного памятника. Об этом свидетельствует «Чудо о князе Иване Шуйском», включенное в 8-ю главу Жития князя Даниила Московского (название условное). Не говоря подробно о значении данного эпизода для истории надгробных памятников на монастырских некрополях в раннемосковский период, отмечу ряд аспектов, важных для историко-эпиграфических исследований. Прежде всего это движение агиографического факта к устной традиции и связанная с этим смена представлений о материале и форме надгробий.

Наиболее древний список Жития под названием «О богоснабдимом великом князе Данииле Александровиче Московском», очевидно, включен в состав 9-й степени Степенной книги [27]. Ее составлением на протяжении 1560-х — начала 1570-х гг. занимался протопоп Благовещенского собора Андрей (во иночестве Афанасий), впоследствии митрополит Московский (ум. ок. 1575) [23. С. 5, 409]. Прак-

тически идентичный текст читается в Мазуринском летописце, созданном Исидором Сназиным в конце XVII в. [13. С. 124]¹, а также в «Повести о великом князе Данииле Александровиче Московском и всея России чудотворце», который сохранился в рукописном сборнике 1702 г.²

Приведу описание чуда по Степенной книге:

Нькогда же христолюбивыи велики князь Василии Ивановичь, всея Руси самодръжець, иже послъди бысть въ иноцьхъ Варламышь, иже осмый степень блаженнаго сего великаго князя Даниила, тако же грядыи на нькое свое царское орудие, с нимъ же множество синьглита его, в нихъ же бѣ князь Иванъ Михайловичь Шуиский. И сему бывшу близъ церкви святаго Данила, идѣже бяху мощи блаженнаго великаго князя Данила Александровича, на него же гробѣ отъ древнихъ лѣтъ камень положенъ бѣ, тои князь Иванъ Михайловичь Шуиский вступи на тои камень, с него же нача всѣдати на конь свои. Христианинъ же нькто прилучися ту и възвѣсти ему, глаголя: «Господине княже, не дръзай с камени сего всѣсти на конь свои. Въдыи буди, яко лежить ту велики князь Данииль». Князь же Иванъ, видя тогда мѣсто оно Данииловское яко небрегомо и христианина, обличающаго его, яко невѣжю вмѣняа, и не брегиии о словесѣхъ его и спроста отвѣща, глаголя: «Мало ли есть тѣхъ князеи?». И всѣдающе ему на конь, и внезапно конь въздымься, и пале о землю и умре. Князя же еле жива исподъ коня въздняша. Князь же раскаяся о своєї дръзости и повелъ иерею молебень пѣти о своемъ прегрѣшении и понаходу пѣти по великомъ князь Данииле; и здравие получи молитвами блаженнаго и великаго князя Даниила [27. С. 540].

Текстологическое изучение данного памятника связано с вопросом о круге источников Степенной книги. Ряд исследователей полагают, что включенный в нее рассказ о Данииле Московском послужил источником для последующих агиографических произведений, связанных с этим князем, в том числе и «Повести...» [2. С. 7; 21. С. 113]. Л.А. Беляев анализировал данный памятник в комплексе с результатами археологических исследований в Даниловом монастыре и пришел к выводу о том, что Житие действительно содержит историческое ядро, отражающее реальное положение дел в обители в конце

XV — первой половине XVI в., но зафиксированные в нем чудеса восходят к устным преданиям [6. С. 111—113, 149]. Наиболее убедительной представляется точка зрения А.С. Усачёва, который предположил, что в основе данного источника могло лежать «Сказание о начале Данилова монастыря», созданное в стенах этой обители в 1540-е — начале 1550-х гг. и вскоре использованное в Степенной книге [30. С. 322—324].

В Пискаревском списке Степенной книги, положенном в основу издания текста данного памятника в ПСРЛ³, чудо отнесено ко времени великого князя Ивана Васильевича [26. С. 299], т.е., если следовать титулатуре последнего, ко времени между 1533 и 1547 г. С данной датировкой вполне согласен А.С. Усачёв [30. С. 320]. Тем не менее в большинстве списков Степенной книги (в том числе и положенном в основу последнего издания данного памятника) чудо отнесено ко времени княжения Василия III, а в Мазуринском летописце оно даже датировано первым годом его правления [13. С. 124].

Начнем с просопографического анализа. Главным действующим лицом чуда является князь Иван Михайлович Шуйский-Плетень, сопровождавший главу государства, который со «множеством синьглита» шел «на нькое свое царское орудие»⁴. Путь лежал мимо запустевшего Данилова монастыря, где и случилось чудо.

А.С. Усачёв при датировке данного события исходил из того, что И.М. Шуйский был «одним из самых активных участников политической жизни России времени боярского правления в годы малолетства Ивана IV» [30. С. 320], не обратив внимания на существующие в списках разночтения. Но если отнести данный эпизод ко времени правления Василия III, что отражено в большинстве списков Степенной книги, «Повести...», Мазуринском и Пискаревском летописцах, то чудо идеально совпадет с начальными ступенями карьеры И.М. Шуйского. После кратковременной опалы конца 1520-х гг. в июле 1531 г. он был воеводой на Сенкине, в августе того же года был назначен воеводой в Коломну, в октябре был первым среди воевод на Угре [19]. Отметим, что в Житии не назван боярский чин И.М. Шуйского, полученный

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ АВДЕЕВ, канд. ист. наук; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т; Ун-т Дмитрия Пожарского; школа-интернат «Интеллектуал» (Москва)

им в 1535 г. [20. С. 512; 11. С. 70], и это, видимо, является ключевым пунктом для датировки чуда, которое, таким образом, могло случиться между 1531 и 1533 г. Такие «протокольные» подробности вряд ли могли сохраниться в устном предании. Скорее всего, чудо было письменно зафиксировано практически сразу, что в принципе подтверждает точку зрения А.С. Усачёва о создании данного памятника в Даниловом монастыре в 1540-е — начале 1550-х гг.

Рассмотрим археологический контекст чуда — то, что обычно остается вне поля зрения традиционной текстологии. Чудо сообщает, что могила св. Даниила Московского находилась на монастырском кладбище и «на его гробъ отъ древнихъ лѣтъ камень положен бѣ». И.М. Шуйский «воступи на тои камень, съ него же нача всѣдати на конь свои», но был остановлен неким христианином (под ним, очевидно, следует подразумевать самого св. Даниила Московского, уже являвшегося в таком облике в предыдущих главах о чудесах).

Погребение князя на некрополе в основанной им обители сомнений не вызывает, хотя летописцам XIV—XV вв. этот факт неизвестен. Лаврентьевская летопись сообщает, что Даниил Московский «преставился <...> на Москвѣ в своей отчнѣ в черньцѣх и в скимѣ» [12. Стб. 486]. В Троицкой летописи под 1409 г. говорится, что князь был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля [18. С. 351]. Более правдоподобным, по мнению Л.А. Беляева, является сообщение Степенной книги, что Даниил Московский «конечного же ради смирения не изволи въ церкви положенъ быти, но на монастыри, идѣ же и прочию братию погребяху» [27. С. 538]. Исследователь действительно обнаружил следы «активно действующего» некрополя XIV — первой половины XVI в. в слое, подстилающем фундамент храма, сооруженного в начале 1560-х гг. Иваном Грозным [6. С. 116—118]. Однако самые древние из обнаруженных здесь фрагментов белокаменных надгробий датировались второй половиной XV — началом XVI в. [8. С. 272—273; № Дм-1, Дм-2].

Тем не менее определить материал, из которого было изготовлено княжеское надгробие, помогает текстологический анализ. Л.А. Беляев считает, что могила Даниила Московского была отмечена белокаменной плитой [6. С. 149]. Но это было бы справедливым, если бы в чуде данный надгробный памятник был назван распространенным в это время термином «цка» [8.

*Formula eines andern Grabsteines, welchen die Weis-
lichen in zwei außbländ den Coblen ins Grab gegeben
yfliegen*

Рис. 1. А. Мейерберг. Вид русского кладбища с валунными надгробиями. Начало 1660-х гг. Из книги: Адельунг Ф. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Объяснительные примечания к рисункам. СПб., 1903. С. 152—155. Рис. 86

С. 19—20]. Именование надгробия «каменем» определенно указывает на валунное надгробие, причем, судя по контексту, надписи на нем не было: И.М. Шуйский принял его за простой камень, а при наличии эпитафии увещание «некоего христианина» просто теряло бы смысл. До появления белокаменных плит с эпитафиями в конце XV столетия подобные «камни» были преобладающей категорией надгробных памятников на сельских кладбищах раннемосковского периода (XIII—XV вв.), а в ряде регионов — и во второй половине XVII в. (см. рис. 1) [7. С. 15]. В большинстве случаев они оказываются перемещенными и, лишаясь археологического контекста, становятся неотличимыми от обычных валунов. О том, что на кладбище Данилова монастыря в начале 1530-х гг. они были преобладающей категорией надгробий, на мой взгляд, свидетельствуют слова И.М. Шуйского, очевидно окинувшего взгляд некрополь: «Мало ли есть тѣх князей?»

Рассмотрим назидательный момент чуда. Модель поведения у могилы, избранная И.М. Шуйским, явно не вписывалась в нормы этикета. Подобно обычному «простецу», князь решил, что некий «невѣжа», забредший на заброшенное кладбище, пытается убедить его в принадлежности безымянного валуна княжескому погребению, и дал откровенно дерзкий по отношению к надгробию ответ — дескать, много здесь лежит «князей» под безымянными камнями, за что и был наказан. Выделим главное: надгробие и погребение выступают здесь как неразрывное целое, и это целое именуется в чуде «гробом», т.е. знаком, который отмечает местоположение мошей. Вызывающее

же поведение И.М. Шуйского расценивается как оскорбление мошей местнотимого святого. Необходимым элементом status quo является искреннее раскаяние князя, выразившееся в совершении молебна и панихиды по Даниилу Московскому.

Текстологический вариант рассказа о чуде с И.М. Шуйским содержится в компилятивном Пискаревском летописце, созданном в середине XVII в. [16. С. 204—205]⁵. А.С. Усачёв полагает, что он восходит к общему со Степенной книгой источнику [30. С. 320]. Однако текстологический анализ здесь результативен, только будучи посажен на твердую археологическую «почву». И здесь скорее прав Л.А. Беляев, который увидел в летописной статье запись устного предания [6. С. 149], а это, что немаловажно, свидетельствует о фольклоризации сюжета. Правда, исследователь не занимался детальным изучением данного сообщения, хотя именно результаты его археологических изысканий в Даниловом монастыре дают основания для такого заключения.

Пискаревский летописец относит чудо ко времени правления Василия III, но событийная канва здесь совершенно иная. И.М. Шуйский (в летописи названо его прозвище «Плетень», не упоминаемое в других текстах) самостоятельно ехал в монастырь с целью помолиться в храме Даниила Столпника. Помолвившись, он сделал попытку сесть на коня с надгробия Даниила Московского, но «некий посялянин, ту живяше» предупредил его о недопустимости такого поступка. Князь ответил известной фразой: «Мало ли есть тѣх князей?» и был вразумлен еще более жестким способом, нежели в иных

текстах: «внезапу коня его парази и умре, и князя урази и створи безгласна». Выделим главное. В том, что в летописце зафиксировано устное предание, убеждает упоминание «некоего» местного жителя, которому было хорошо известно о месте погребения Даниила Московского. В этом же убеждает и распространенный агитип — исцеление грешника, положенного на могилу святого, во время богослужения.

В остальном же здесь упоминаются реалии, относящиеся к более позднему времени, что подтверждается археологически. Деревянный храм Даниила Столпника был построен в Даниловом монастыре при основании обители, но в конце XV в., как явствует из Жития св. Даниила Московского, уже вряд ли существовал, хотя на погосте захоронения осуществлялись. Строительство каменной церкви относится к 1560-м гг., тогда же, очевидно, над могилой Даниила Московского была положена белокаменная плита с традиционной для того времени эпитафией: «Лѣта 7300^а марта въ 7 день преставися благовѣрный князь инокъ Данииль Александровичъ на память святаго предподобнаго отца нашего Герасима, иже на Иордани»⁶. Надгробие это до наших дней не сохранилось, но издавший его архим. Амфилохий по палеографическим признакам считает его современным возобновленному храму. Очевидно, носитель предания видел перед собой данные объекты и связывал с ними место и обстоятельства чуда. О том, что он имел в виду белокаменную плиту на могиле князя, свидетельствует факт положения на нее И.М. Шуйского: неподвижного человека можно было уложить только на ровную поверхность, где бы он мог пробыть до конца панихиды, тогда как валун вряд ли давал такую возможность.

Таким образом, мы видим, что чудо, случившееся с И.М. Шуйским у надгробия Даниила Московского, максимум через 60—70 лет уже вошло в фольклор, но было переориентировано на новые реалии, появившиеся в обители. Более того, стимулом для его устного распространения стало возобновление монастыря и организация там храмового строительства. Очень важно, что назидательный элемент чуда при этом сохранился и продолжал играть этическую функцию.

Ближайшей аналогией этому чуду в агеографических памятниках Московской Руси является «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека...» — житийный памятник в составе Минеи Четых свщ. Иоанна Милутина, где сообщается, что в

июле 7159 (1651) г. у могилы афонского старца в Троице-Сергиевом монастыре в один день произошли два чуда, непосредственно связанные с повреждением его белокаменного надгробия. Первое случилось с московским богомольцем Иаковом Сафоновым. Устав после молебна в Троицком соборе, он «не въда съде на могиле на дски» и «гнѣвом Божиим» был сброшен с плиты. Из расспросов «стоящих ту людей» стало ясно, что под этим надгробием, надпись на котором, очевидно, уже не читалась, был погребен Максим Грек. В тот же день келейник соборного старца Васьяна Ларионова Иван, до которого дошла весть о чуде, не поверил в случившееся, решив самостоятельно испытать истинность происшедшего. С надгробия Максима Грека он встал невредимым, но едва сделал три шага, как «гнѣвом Божиим» был трижды низвержен на землю «и избихася лице <...> до крови, челюсти и зубы, и всего подробиша, и языкъ оугнѣша». В отличие от предыдущего случая, святой назвал свое имя келейнику «в тонцѣ снѣ» [22. С. 105—106].

Сохранившаяся монастырская документация свидетельствует, что в конце 1634 г. эпитафия на надгробии Максима Грека прекрасно читалась⁷. О том, что надпись на нем «сланило ѿ доски» сообщает запись в рукописном Чиновнике Троице-Сергиева монастыря середины XVII в.⁸ Эта же запись сообщает об изготовлении нового надгробия Максима Грека, что имеет прямую связь со случившимся чудом.

При благоговейном отношении к надгробию почитаемого подвижника результат мог быть прямо противоположным. В одном из исцелений, зафиксированном в списке чудес от мощей Максима Грека и датированном 7 сентября 7133 (1624) г., оно произошло при непосредственном контакте болящего с надгробием, когда последнего «понесоша <...> на носильхъ в колымагу его, и запнушася вси о мраморъ при гробѣ преподобнаго Максима; и упалоша и раслабленаго о мраморъ удариша, и бысть аки мертвъ <...> И малъ часть бысть в недоумении вси, и начя двизатися раслабленый <...> и возрадосая о скоромъ своемъ исцѣленіи» [5. С. СІХ].

Надо сказать, что аналогичные предания вокруг отдельных белокаменных надгробий Московской Руси складывались и в народной агеографии. Во второй половине XIX в. одно из них было записано в д. Черкасы и д. Дмитриевская Тверского уезда, где в XVII в. располагался Дмитриевский монастырь на Черкасах. На территории монастырского некрополя находилось

несколько древних надгробных плит. Одну из них, на которой был изображен Голгофский крест и читались остатки эпитафии — часть даты (73) и окончание имени Феодосий (отождествленное с соименным игуменом, умершим в 1666 г.), некий крестьянин унес с кладбища и положил под угол дома. Вскоре у рачительного хозяина отнялись ноги, что было воспринято как наказание свыше, и камень был возвращен на прежнее место [14. С. 33]. Налицо агитип, сходный с чудом, которое произошло с И.М. Шуйским, но и несколько отличающийся от него, — здесь речь идет о похищении некоего артефакта с могилы святого, чудесном вразумлении похитителя и возвращении артефакта на исходное место.

Таким образом, мы видим три варианта одного агитипа, который можно назвать «чудом от надгробия»: наказание за 1) попираание надгробия ногами, 2) сидение на надгробии и 3) перенос надгробия с могилы и использование в утилитарных целях. Он предписывал нормативные правила поведения у надгробия памятника, несоблюдение которых имело печальные последствия для нарушителей.

В случае с «камнем» Даниила Московского мы видим переход житийного рассказа в фольклор, совершившийся на глазах двух-трех поколений. Чудо у надгробия Максима Грека свидетельствует, что изготовление нового надгробия после чудес, совершившихся у могилы почитаемого подвижника, становится агеографической необходимостью, а новое надгробие, в свою очередь, уже превращается в агеографический факт. И, наконец, записанное предание говорит о том, что подобные сюжеты могли рождаться и в народной среде.

Примечания

¹ О нем см.: [9. С. 122—124].

² ГИМ, ОР, Синодальное собр., № 607, л. 116—131 об. Изд.: [2. С. 8—16]. Описание рукописи: [16. С. 14—15]. Иные списки: [6. С. 243. Примеч. 129].

³ РГБ, НИОР, ф. 228 (собр. Д.В. Пискарева), № 177.

⁴ Дело, занятие (см.: [24. С. 70. s.v. орудие]).

⁵ О нем см.: [25. С. 269—274].

⁶ О плите см.: [2. С. 6; 6. С. 255—256. Примеч. 196].

⁷ РГБ, НИОР, ф. 304.1 (Основное собр. Троице-Сергиевой лавры), № 820, л. 28. Изд.: [29. С. 42; 10. С. 111. Прил. 10; 4. С. 363]. О датировке этого сборника см.: [28. С. 142].

⁸ РГБ НИОР, ф. 304.1 (Основное собр. Троице-Сергиевой лавры), № 740, л. 173. Изд.: [3. С. 132—133; 15. С. 209; 4. С. 363—364].

Литература

1. *Авдеев А.Г.* Две заметки по истории Иоанно-Предтеченского Железоборовского монастыря (Буйский район Костромской области). 1. Населенные пункты и люди Галичского уезда в «Чудесах преподобного Иакова Железоборовского» // Русский мир в мировом контексте: Сб. ст. и материалов всерос. заочн. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Рубцовск, 2012. С. 76—101.
2. *Амфилохий, архим.* Летописные и другие древние сказания о св. благоверном великом князе Данииле Александровиче, сыне св. благоверного князя Александра Невского, и о построении им за Москвой-рекой Даниловского монастыря. М., 1875.
3. *Арсений, иером.* Описание славянских рукописей Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878.
4. *Белоброва О.А.* О почитании Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 30. СПб., 2007. С. 363—368.
5. *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.
6. *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XV вв.) по данным археологии. М., 1994 (Материалы по истории и археологии Москвы; Т. 6).
7. *Беляев Л.А.* Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие: Материалы к своду / Сост. и отв. ред. Л.А. Беляев. Вып. 1. М., 2006. С. 7—30.
8. *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996.
9. *Богданов А.П.* Исидор Сназин // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И—О. СПб., 2003. С. 122—124.
10. *Горский А.В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 2. М., 1890.
11. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
12. *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
13. *Мазуринский летописец* // ПСРЛ. Т. 31. М., 1968.
14. *Материалы для истории Тверской епархии / Прибавление к Тверским епархиальным ведомостям.* Тверь, 1898.
15. *Николаева Т.В.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. М., 1966. Т. VI. С. 207—285.
16. *Пискаревский летописец* // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.
17. *Повести о начале Москвы / Иссл. и подгот. текстов М.А. Салминой.* М.; Л., 1964.
18. *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950.
19. *Разрядная книга 1475—1598 гг.* М., 1966.
20. *Русский биографический словарь.* Т. Шебанов — Шютц. СПб., 1911 (репр.: М., 1999).
21. *Салмина М.А.* Повесть о Даниловском монастыре // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П—С. СПб., 1998. С. 113—114.
22. *Синицына Н.В.* Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI—XVII вв.). М., 2006.
23. *Сиренов А.В.* Степенная книга. История текста. М., 2007.
24. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 13. М., 1987.
25. *Солодкин Я.Г.* Летописец Пискаревский // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И—О. СПб., 1993. С. 269—274.
26. *Степенная книга царского родословия.* СПб., 1908. (ПСРЛ; Т. 21. Ч. 1).
27. *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии: В 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф.* Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I—X. М., 2007. С. 536—541.
28. *Ткаченко В.А.* Первый список надгробных памятников Троице-Сергиевой лавры середины 1630-х гг. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы IV Междунар. конф. 29 сент. — 1 окт. 2004 г. М., 2007. С. 138—147.
29. *Ундольский В.М.* Новые разыскания о месте погребения Прокопия Ляпунова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1846. № 2. Отд. 1. С. 24—50.
30. *Усачёв А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. СПб., 2009.
31. *Чернов С.З.* Домен московских князей в городских станах, 1271—1505 годы. М., 2005 (Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты; Т. 2).
32. *Чернов С.З.* Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 123—182.

Сокращения

ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.

НИОР — Научно-исследовательский Отдел рукописей.

ОР — Отдел рукописей.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РГБ — Российская государственная библиотека. Москва.

СККДР — Словарь книжности и книжников Древней Руси.

Благодарю Г.Г. Донского, указавшего мне на данный сюжет и давшего ценные замечания и советы.

А.Б. МОРОЗ

ПОЧИТАНИЕ МОГИЛЫ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА КОРЕЙШИ В МОСКВЕ

Иван Яковлевич Корейша (1783—1861) — ярчайшая фигура в московской жизни середины XIX в. Сын священника, служившего в Смоленской губ., он окончил Смоленскую духовную семинарию и, проработав несколько лет учителем, отправился в паломничество сначала в Соловецкий монастырь, затем в Киево-Печерскую лавру, потом в Нило-Столобенскую пустынь. В последней Корейша живет несколько лет. Уже в это время за ним замечают дар провидения и начинают прислушиваться к его словам. Позднее Иван Яковлевич поселяется в Смоленске в заброшенной бане, живет подаванием и принимает посетителей, приходивших к нему с вопросами о том, как им поступать и что их ждет в будущем. При этом Корейша ведет себя как юродивый: ходит в лохмотьях, ест что придется, ведет себя крайне необычно, отчасти агрессивно, говорит иносказательно. Слава Ивана Яковлевича как провидца начинает распространяться, к нему ездят все больше посетителей, и он пытается найти уединение, поселившись в лесном шалаше на границе Смоленского и Дорогобужского уездов. В 1817 г. он попадает в Москву в дом для умалишенных, впоследствии известный как Московская Преображенская больница (ныне психиатрическая больница № 3 им. В.А. Гиляровского на ул. Матросская Тишина, д. 20).

Про то, как Иван Яковлевич попал туда, рассказывали историю, зафиксированную, в частности, И.Г. Прыжовым:

Сорок три года тому назад жила в Смоленске одна богатая и знатная барыня, у ней была дочь невеста, сговоренная за одного из военных, отличившихся в войне 1812 года. Свадьба уже была назначена, но невесте вздумалось съездить к Ивану Яковлевичу. Вот мать и дочь, взяв с собой няньку и девуку, садится в

АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ МОРОЗ, доктор филол. наук; Российский гос. гуманитарный ун-т (Москва)